

Говорят, в наше время не может быть второго Леонардо да Винчи, Михаила Ломоносова или Бенджамина Франклина – «человека универсального», постигнувшего все науки, искусства и ремесла. XX век расставил людей у конвейера. XXI век стал веком Интернета, и объем существующей информации теперь удваивается каждые полгода. Мир усложняется все больше и больше.

Говорят – наступила эпоха узких специалистов, мастеров своего, одного-единственного дела. Но кто он – этот мастер? Ответ ищите на страницах нашего сборника.

ISSN 978-5-905360-15-2

9 785905 360152

МАСТЕР СВОЕГО ДЕЛА

18/5
Социодром-Ф

МАСТЕР СВОЕГО ДЕЛА

Святослав Логинов, Владимир Аренев,
Тим Скоренко, Майк Телприн,
Юрий Погуляй, Александр Бачило,
Сергей Фомищев, Лариса Бортникова,
Ина Голдин, Эльдар Сафин и другие

Социодром-Ф

Мастер своего дела

Сборник фантастических рассказов

Москва
«Фантаверсум»
2012

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445
М32

Социодром-Ф

Серия основана в 2011 г.

М32 Мастер своего дела : сборник рассказов / сост. А. Петров; илл. А. Павленко; илл. на обложке М. Трефёнов; дизайн серии Н. Караванова. – М.: Фантаверсум, 2012. – 335 с. – (Социодром-Ф). – ISBN 978-5-905360-14-5.

Говорят, в наше время не может быть второго Леонардо да Винчи, Михаила Ломоносова или Бенджамина Франклина – «человека универсального», постигшего все науки, искусства и ремесла. XX век расставил людей у конвейера. XXI век стал веком Интернета, и объём существующей информации теперь удваивается каждые полтора года. Мир усложняется все больше и больше.

Говорят – наступила эпоха узких специалистов, мастеров своего, одного-единственного дела...

Но кто он – этот мастер? Ответ ищите на страницах нашего сборника.

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445

ISBN 978-5-905360-14-5

© ООО «Фантаверсум», 2012
© Караванова Н., дизайн серии, 2011

Содержание

<i>Святослав Логинов</i>			<i>Юлия Гавриленко</i>		
Город мастеров (вместо предисловия)	3		Зугу	212	
Узкий специалист как он есть	5		<i>Полина Кузаева</i>		
<i>Святослав Логинов</i>			И бегемоты умеют делать реверансы	232	
Цирюльник	6		<i>Наталья Анискова</i>		
<i>Светлана Тулина</i>			Любовник	237	
Сверхурочные	22		<i>Владислав Заря</i>		
<i>Владимир Аренев</i>			Предел ожидания	247	
Хорошие новости	37		Никто кроме...	259	
<i>Александра Давыдова</i>			<i>Лариса Бортникова, Анна Голоусикова</i>		
Черный дворецкий	67		Продавец радуги	260	
<i>Радий Радутный</i>			<i>Дмитрий Тихонов</i>		
О пользе чтения классики	78		Ночь в кругу семьи	279	
<i>Сергей Пирогов</i>			<i>Александр Подольский</i>		
Машина счастья	82		Колумбарий	288	
<i>Майк Геллрин</i>			<i>Тим Скоренко</i>		
Свеча горела	93		Стена для Джона Доу	298	
<i>Полина Кормицикова</i>			<i>Екатерина Лесина</i>		
Пациент	101		Знак Его любви	310	
<i>Юрий Погуляй</i>			<i>Эльдар Сафин</i>		
Губители сфер	119		Мышь белая	320	
Люди странных занятий	135				
<i>Ина Голдин</i>					
Дело об ураденной буве	136				
<i>Дмитрий Ферштейн</i>					
Позиция гражданина Климова по смертной казни	165				
<i>Ольга Дорофеева</i>					
Пятое царство природы	170				
<i>Сергей Фомичёв</i>					
Йога	181				
<i>Александр Бачило</i>					
Волшебник	204				

Город мастеров

(вместо предисловия)

В вышедшей больше полувека назад детской книжке Святослава Сахарнова «Гак и Буртик в стране бездельников» описана Страна Семи Городов. В каждом городе живут мастера – веселые, сильные люди, занятые делом. Кузнецы куют что-то железное, плотники колотят что-то деревянное. То есть мастер – это тот, кто своими руками мастерит нечто весомое, грубое, зримое.

И вот в наши дни выходит тематический сборник «Мастер своего дела». Удивительно, но за все годы такой антологии у нас не было. Собирались сборники о кошках и собаках, о вампирах и пиве. И вот, наконец, сборник о людях труда.

Что же изменилось в наших представлениях за эти годы?

Прежде всего, фантасты прекратили ковать что-то железное. Среди героев этой книги – врачи, воспитатели, редакторы, биологи, журналисты, даже фокусники... Одни действительно умеют работать, другие только числятся мастерами, а на самом деле – холодные сапожники. Есть и такие мастера, что глаза бы на них не глядели; хочется, чтобы такие специалисты вместе со своим мастерством никогда не имели отношения к нашей жизни. То есть вопрос о мастерстве сегодня понимается значительно шире, чем полвека назад.

Но вот что интересно. Те немногие рассказы, герои которых держат в руках обычные инструменты – отвертки, стамески и подобные им предметы, – всякий, даже неискушенный читатель отнесет к категории антиутопий. Современный мастер ничего железного не кует. Оно и понятно, наступает пора информационных технологий, мысль, слово, знание значат теперь больше, чем руки.

Очень хотелось бы почитать, о чем станут писать авторы следующего сборника о мастерах, который выйдет лет через пятьдесят.

Иные из авторов этой книги хорошо знакомы читателю, для некоторых это первая книжная публикация. Процент авторов начинающих очень велик, что нехарактерно для антологий, составители которых предпочитают делать ставку на проверенные имена. Уровень авторов, конечно, различен, но пустых рассказов, текстов ни о чем здесь нет. Каждый любитель фантастики найдет в книге произведения, которые не оставят его равнодушным. Так что не бойтесь незнакомых имен; в прежние годы подмастерье не мог стать мастером, пока не создаст шедевр, произведение, которое докажет всему цеху, что перед ними подлинный мастер. На вкус и цвет товарищей нет, но мне кажется, что парочка шедевров здесь имеется, а молодые авторы, в отличие от стариков, определяют, какая фантастика будет у нас завтра.

Обычно сочинители предисловий после краткого вступления начинают пересказывать те рассказы, которые понравились им больше прочих. Меня, как читателя, подобное поведение всегда раздражало, поэтому здесь не будет ни пересказов, ни анализа еще не прочитанного. Читателю придется проводить эту работу самому. Но ведь это самая замечательная работа на свете, а читатель, я верю, настоящий мастер своего дела и сумеет разобраться в прочитанном без подсказки.

Приятного чтения!

Святослав Логинов

Святослав Логинов

Цирюльник

Всю ночь Гийома Юстуса мучили кошмары, и утром он проснулся с тяжелой головой. Комната была полна дыма, забытый светильник чадил из последних сил, рог, в который была заключена лампа, обуглился и скверно вонял. Юстус приподнялся на постели, задул лампу. Не удивительно, что болит голова, скорее следует изумляться, что он вообще не сгорел или не задохнулся в чаду. Хорошо еще, что ставень плотно закрыт и свет на улицу не проникал, иначе пришлось бы встретить утро в тюрьме: приказ магистрата, запрещающий жечь по ночам огонь, соблюдается строго, а караул всегда рад случаю вломиться среди ночи в чужой дом.

Юстус распахнул окно, вернулся в постель и забрался под теплое одеяло. Он был недоволен собой, такого с ним прежде не случалось. Возможно, это старость; когда человеку идет пятый десяток, слова о старости перестают быть кокетством и превращаются в горькую истину. Но, скорее всего, его просто выбил из колеи таинственный господин Анатолий.

Слуга Жером неслышно вошел в комнату, поставил у кровати обычный завтрак Юстуса – тарелку сваренной на воде овсяной каши и яйцо всмятку. Юстус привычно кивнул Жерому, не то здороваясь, не то благодаря. Есть не хотелось, и Юстус ограничился стаканом воды, настоянной на ягодах терновника.

Город за окном постепенно просыпался. Цокали копыта лошадей, скрипели крестьянские телеги, какие-то женщины, успевшие повздорить с утра, громко бранились, и ссору их прервало только протяжное «Берегисьсь!», донесшееся из окон верхнего этажа. Кумушки, подхватив юбки, кинулись в разные

стороны, зная по опыту, что вслед за этим криком им на головы будет выплеснут ночной горшок.

Книга, которую Юстус собирался читать вечером, нераскрытой лежала на столике. Такого с ним тоже еще не бывало. Вечер без книги и утро без пера и бумаги! Господин Анатолий здесь ни при чем, это он сам позволил себе распуститься.

Юстус рассердился и встал, решив в наказание за леность лишить себя последних минут утренней неги. Едва он успел одеться, как Жером доложил, что мэтр Фавори дожидается его.

Мэтр Фавори был модным цирюльником. Он редко стриг простых людей, предоставив это ученикам, за собой же оставил знатных клиентов, которых обслуживал на дому. Кроме того, он контрабандой занимался медициной: не дожидаясь указаний врача, пускал больным кровь, вскрывал нарывы и даже осмеливался судить о внутренних болезнях. Вообще-то Гийом Юстус обязан был пресечь незаконный промысел брадобрея, но он не считал это столь обязательным. Рука у молодого человека была твердая, и вряд ли он мог натворить много бед. К тому же мэтр Фавори прекрасно умел держать себя. Он был обходителен, нагло вато вежлив и вот уже третий год ежедневно брил Юстуса, ни разу не заикнувшись о плате.

Мэтр Фавори ожидал Юстуса в кабинете. На большом столе были расставлены медные тазики, дымилась паром чаша с горя-

Светлана Тулина

Сверхурочные

Я – специалист. Дипломированный. Моя основная специализация – делать желтые огонечки синими.

Но при этом я не «узкий», что бы там кто ни говорил. Они говорят – подобен флюсу. И хихикают. Они полагают – смешно. Мне – нет. Но не потому, что я себя считаю узким специалистом и обижаюсь. Это не так. Просто у меня нет чувства юмора.

Я потому и комедии не смотрю. Мне от них плакать хочется. Человек падает в лужу – это смешно? У меня есть знакомый аутист, я по нему в универе социальную практику отработывал. Так вот, он смеялся, когда идущий в парк монор проехал мимо остановки, так и не открыв дверей. Мне не было смешно, но я хотя бы мог понять. Он ведь подумал, что монор пошутил. Поэтому и смеялся. Так на то он и аутист. А почему смеются те, кто себя считает нормальными, я не понимаю. И больше не пытаюсь понять. Надоело.

Закончится этот рейс – попрошу вернуть меня в одиночный патруль. Все равно адаптация не удалась. И не удастся, что бы там Док ни говорил. Я не стану одним из них. Даже пытаться не буду. Не хочу.

Док называет это негативным мышлением, которое надо преодолевать. А зачем? В патруле никто не заставит меня смотреть комедии. Никто не будет хихикать и перешептываться при моем появлении. Никто не станет ругаться, что я опять не так одет и делаю не то. А работа та же самая – только кнопок поменьше, да сигналы не «желтый-синий-красный», а «оранжевый-зеленый-синий». Красный тоже есть, но он редко бывает. Запомнить несложно. Оттенков и сочетаний побольше, конечно, и их тоже за-

поминать надо, но зато никто не мешает. Не стоит над душой. Не хихикает вслед. Просто сигналы разного цвета – и все.

О, кстати. Желтый сигнал. Пора.

Встаю с койки, на которой лежал. Я давно проснулся, просто вставать не хотелось – зачем? Сигнал был синим, а выходить в коридор просто так...

Больше – не хочу.

Умываюсь. Чищу зубы. Одеваюсь. Расчесываться не надо – Док хорошо поработал, больше волосы у меня не растут. Мне нравится – удобно и аккуратно. Я знаю, что меня называют лысым уродом. Во всяком случае – раньше называли. Не обижаюсь. На что? Ведь правда – лысый. И не красавец. Вот старший конвоя бригадир Майк – красавец, это да. А толку? Девушек трое, а красавец один. Где уж тут выспаться, каждое утро из новой каюты выходит. К концу рейса от него только тень остается. Глаза красные, руки трясутся. Так что это хорошо, что я – урод.

Смотрю на свое отражение, тщательно проверяю одежду. Последнее время они не хихикают, но лучше пусть я буду уверен, что все в порядке. Надеваю рабочий фартук и проверяю содержимое карманов. Я сам его обновил после окончания прошлой вахты, но порядок есть порядок.

Выхожу в коридор.

Конечно же, бригадир Майк тут как тут. Делает вид, что он просто так завис в самом узком месте коридора у моей капсулы, а вовсе не меня караулит. Повадился проверять, даже девушек своих забросил. Ну, так смотри, проверь – вот он я. Я всегда сигнал с упреждением ставлю, чтобы не опаздывать. Вот и сейчас – до начала моей вахты еще куча времени.

Здоровуюсь, но он, конечно же, не отвечает. Даже не смотрит в мою сторону. Недоволен – опять не поймал. Это у него пунктик такой – поймать на каком-нибудь нарушении. Я бы мог заложить Кэт – та четвертую вахту пропускает. Но не буду. Пусть пропускает. Мне не трудно, а пятнадцать реалов не лишние. Надеюсь, она и сегодня не придет.

Протискиваюсь мимо бригадира Майка – коридор в этом месте очень узкий, а он и не подумал отодвинуться. Мелкая месть за то, что не сумел ни на чем поймать. Морщусь – пахнет от него

Владимир Аренев

Хорошие новости

9:05

...Маргоша, свинья хитрая, взяла и ушла в конкурирующую фирму, с утра Большому Боссу заявление на стол – и привет, имела я вас всех в виду. Неустойка? – ей новый работодатель заплатит, х-ха!

Арутюнов слушал и мрачнел. Он уже догадывался, чем это грозит лично ему. А БоБо всё раздувал ноздри, брызгал слюной и демонстрировал завидное знание непечатной лексики; «летучка» внимала с каменными лицами, даже Маркьялов не решался на свои вечные хиханьки.

– В общем, так, – сказал БоБо, в очередной раз помянув всех родственников Маргоши до сто первого колена включительно. – Кому-то придется пока поработать мальчиком, который прикроет задом эту плотину. – Босс любил цитировать великих и приводить примеры из мировой истории, но часто путал детали. – Задом, а не пальцем, потому что геморроя здесь будет по самое не балуйся. Кто у нас известен своим позитивным мышлением? Борисыч, ты как, возьмешься?

– У меня башка под это дело не заточена, – угрюмо сказал Арутюнов. – Ничего я не нарою, даже на вечерний выпуск, а если ежедневно – вообще труба. Только Маргоша умела делать из пшика конфетку. И потом, Босс, у меня на сегодня репортаж с корриды, уже и анонсировали.

– На корриду пошлем Маркьялова с практикантом, снимут с верхов и с середины, Маркьялов добавит здорового цинизма, практикант... как бишь его?.. ладно, не важно, в общем, с практи-

канта – свежесть ощущений, получится что надо. А ты займешься хорошими новостями.

– Так башка же...

– В полчаса тебе ее перепрограммируют, не ной. Ведомым возьмешь Спицина. Отработаешь неделю – поговорим о твоём следроекте, ага?

– «Муху»...

– Какую Спицин захочет, такую и берите, скажешь, мое личное распоряжение. Давайте, хлопцы, дуйте на всех парах в «перевочную», а потом беритесь за дело. С вас минимум два материала, потому что, учтите, кроме корриды у нас сегодня пойдет катастрофа нефтяного танкера и по мелочи что-нибудь. А удоды со своими гребаными «весами»...

Дальше можно было не слушать – известная песня, БоБо ее поет при каждом удобном случае, и правильно поет. Полтора столетия писатели-фантасты медитировали на тему контакта с пришельцами, а когда дошло до дела, всё оказалось по-другому. Может, кто-то и о таком варианте писал, да только...

Ну вот, например, эти их суперпродвинутые технологии, которыми uddod’ы одарили землян. Зачем? Зачем дарить летающее «блюде» и в то же время категорически запрещать любые космические исследования, даже выход на орбиту? И главное, выбора-то людям не оставили, бесплатный сыр вручили, а дальше...

* * *

Александра Давыдова

Черный дворецкий

– Скажи, а если заниматься любовью с мухомором, то можно отравиться насмерть?

– Что? – я резко оборачиваюсь.

Мика – помятая со сна, в пижаме, с фиолетовым плюшевым слонем под мышкой – зябко переступает босыми ногами по кафельному полу и дрожит от утренней прохлады. Мне почему-то вспоминаются птенцы пингвинов, передачу о которых я недавно вырезал из ленты. Такие же взъерошенные и насупленные, они выбирались из гнезд и начинали бродить, путаясь среди взрослых и внося изрядную долю беспорядка в жизнь птичьего острова.

– А если сначала подарить ему букет цветов?

– Кому?

– Ну, мухомору же. Он тогда станет добрый и не будет тебя отравлять, да?

Я медленно, стараясь выиграть время на обдумывание ответа, откладываю в сторону надкушенный бутерброд. Машинально смахиваю крошки со стола. Осторожно интересуюсь:

– Почему ты решила спросить об этом?

– Не знаю, – пожимает плечами девочка. – А зачем влюбленные дарят друг другу цветы? Чтобы задобрить или для красоты?

– Давай ты сначала умоешься, почистишь зубы, оденешься и обуешься – сколько раз тебе говорили не ходить на террасу босиком? И потом, когда приведешь себя в порядок, приходи завтракать – я отвечу на все вопросы.

Мика рассеянно кивает, утаскивает из вазочки абрикос и убегает в дом. Я иду за ней следом и с порога слышу крики. На втором этаже ссорятся.

– Ну, хватит, успокойся, купим тебе новый, – бубнит мистер Кейн, хозяин дома.

– Папа, но мне же его Марк подарил! А теперь эта... эта... – Алиса, старшая сестра, задыхается от возмущения. – Почему она вечно берет мои вещи без спроса? Ничего без присмотра оставить нельзя!

– Ты же обычно запираешь спальню на ключ?

– Да кто же знал, что она так рано вдруг проснется? На пять минут оставила дверь открытой – и пожалуйста!

– Сегодня после работы мы с тобой поедем и выберем точно такой же, как подарил Марк. Тем более, ты вроде не собиралась активировать сет срочно? Хотя бы до вечера дело ждет?

– Ждет...

– Вот и отлично. А теперь извини, я опаздываю. – Мистер Кейн спускается в холл. Смотрится в зеркало, снимает с вешалки плащ и подзывает меня: – У нас непредвиденная ситуация, Кристоф. Мика не пойдет сегодня в школу, вам придется посидеть с ней. Ничего сверхопасного, просто несвоевременная активация чужого сета. Мне не хотелось бы везти ее к психологу сейчас, лучше выждать пару дней, не находите?

Я киваю.

– Как обычно, накормите ее завтраком... потом, может быть, сводите на прогулку – погоду обещали хорошую. Главное, проследите, чтобы она не забила голову какой-нибудь ерундой. Я на вас надеюсь. С меня – лишней выходной в этом месяце и двойная ставка за сегодня. Договорились? Вот и ладненько.

С улицы слышится шорох. Служебный мобиль обычно забирает Говарда Кейна от самого крыльца.

Когда я иду обратно на террасу со стаканом молока и тостами, мимо проносится Алиса. Аккуратно – волосок к волоску – уложенная прическа, бледно-фарфоровое лицо, крепко сжатые губы и шаг, как у манекенщицы на подиуме, – словно вбивая

Радий Радутный

О пользе чтения классики

– А знаешь, почему рассказ Кларка так и остался фантастическим? – спросил вдруг шеф.

Я не знал. Более того, я не знал, о каком рассказе идет речь, и не сразу вспомнил, кто такой Кларк. Каюсь. Кто на что учился. Если бы, например, шефа спросили о методах динамического перераспределения памяти при использовании статических указателей – он бы точно так же хлопал глазами. То есть ушами. И девять человек из десяти точно так же хлопали бы. И девяносто девять из ста. И пять миллиардов девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять из теперешнего населения многострадальной нашей старушки. И – совсем уж между нами – последний, оставшийся, то есть сам автор фразы, хлопал бы точно так же, потому что выдумал ее на лету и – что это еще за статические указатели – тоже не знал.

Однако шефа проняло не на шутку.

– Ну вот! Вот они, последствия чрезмерной специализации! Нет, я знаю, что ты прекрасный программист, лучший в фирме...

«Ха!»

– ...лучший, может, и в городе...

«Ха... а собственно, почему – «может»?»

– ...да и по стране навернякаходишь в первую десятку.

«Хм. Ну, здесь он, пожалуй, прав...»

– Но означает ли это, что все остальное для тебя не существует?

– А что, собственно, остальное? – спросил я уже вслух. – Водка, бабы и наркотики?

Шеф поперхнулся. Вообще-то он нормальный парень, старше меня на пару лет, вот только о смысле жизни у нас представления все-таки разные. Ему бы мои мозги – был бы президентом. Мне бы его таланты – программы бы уже через год разве что задыб нам не подтирали. А поскольку обмен все же невозможен, то и сидим вот. Друг другу на нервы капаем. То ему программа не так работает, то мне зарплату не той валютой заплатят.

Бардак.

А в стране бардак оттого, что в головах у людей тоже бардак. А отчего у людей бардак в головах?

Я, например, не знал. А некоторые, говорят, знали. Видел недавно одного такого умника по телевизору – бородатый, а чушь такую несет. «Все, – говорит, – оттого... что люди забыли Бога!»

Во. А шеф, видно, считает, что все оттого, что люди забыли Кларка.

Кстати, раз начав, шеф уже долго не успокоится. Теперь я узнал, что был такой писатель Кларк, писал хорошую фантастику (странно... какая фантастика, если компьютеров не существовало? А оказывается, существовали, только печатали на бумаге, каждую строчку, каждый символ, каждый пиксел... ужас! Это же сколько ждать надо было, пока хоть одно окно прорисуеться?) и в одном своем рассказе написал, как тибетские монахи заточили комп под перебор массива из девяти элементов во всех возможных комбинациях. Компы, судя по всему, были тогда механическими, вроде арифмометра, который я в виртуальном музее видел, потому что на простенькую эту задачу им понадобилось несколько месяцев.

– Так вот, у Кларка в конце рассказа, когда комп их вывел все возможные имена из этого списка, наступил конец света!

Оставалось пожать плечами. Пока шеф рассказывал, я быстренько соорудил девять вложенных циклов и вывалил на монитор все возможные комбинации.

Конец света не наступал.

– Может, надо перебирать не девять букв? А все буквы из всех алфавитов? Тогда это задача посерьезнее...

– Да нет, я думаю, что Бог, создавая людей, хотел, чтобы они сами перечислили все комбинации. Чтобы каждый или хотя бы

Сергей Пирогов

Машина счастья

Раз

Я, между прочим, винты да шурупы закручивать целый месяц учился. И ручными завертками, и механическими, и автоматами, плоскими и крестовыми, и фигурными всякими. Плюс еще ходил к Чин-Чину на трехдневный факультатив про болты. Я еще и резьбу всякую хитрую знаю. Так что с образованием у меня все, как любит говорить один товарищ, чин-чин. Вот толку от этого...

Нет, работа хорошая. Форма, между прочим, красивая – синяя с оранжевыми полосами, взлетающими к плечу. Миха сказал, на какие-то там аксельбанты смахивает. Ну и зарплата, путевки, праздничные наборы. Скучно только. Одинаково все. Каждый день – подъезжает к тебе коробка феликсоблока без верха, ты берешь четыре винта, крышку к заготовке прилаживаешь и винтовергом вжик, вжик, вжик, вжик. Все. Дальше коробочка к Михе поехала, а ты следующую – раз, два, три, четыре – прикрутил. И следующую.

У Михи работа на первый взгляд попроще моей, но это только на первый. Так, между прочим, разве что неуч может подумывать, который всего и умеет, что молотком махать. Саморез ему уже ума не хватит вкрутить – квалификации-то нет. Так вот Миха вставляет в корпус сам модуль феликса, который к нему по другой линии приходит. Продел проводки куда положено, вставил наносхему до щелчка, отогнул зажимы, зафиксировал и дальше по конвейеру пустил. Готовый феликсоблок поехал себе на склад.

Можно подумать, такому за неделю научишься? Хренушки! Миха, между прочим, успевает коробку осмотреть на предмет

брака, проверяет цвета проводков, по щелчку понимает, как все соединилось, и зажимает так, что захочешь – не разболтаешь.

А ответственность? На нем две линии заканчиваются – корпусов и наномодулей, тут халтурить никак нельзя. Миха – спец, что и говорить. Не то что Дрюня. Даже не знаю, сколько надо учиться, чтоб так управляться. У меня за месяц голова опухла, а Миха небось три учился или, страшно подумать, – все четыре. А Дрюня... Ну что Дрюня? Он передо мной на конвейере стоит. Учились вместе, но бригадир ему только правую стенку доверяет прикручивать – всего-то два винта. И все равно брака у него много. Особенно после полочки, а это каждую неделю, между прочим. У меня тогда брудные ящики переполнены – насобачился я брак распознавать даже раньше, чем крышку прикручу.

Вижу, Миха на меня за такое дело с одобрением поглядывает. И хоть не бригадир он мне и вообще не начальник, а приятно. Я, конечно, тоже пивнуху не пропускаю, но, как Дрюня, в трезвяке не ночую. Я туда вообще один раз только попал. Первую полочку обмывал – традиция такая. А вот Миха не обмывал, и вообще – смурной он какой-то, сам с разговором не подходит и, кажется, совсем не пьет. Зуб даю.

Был, правда, случай, когда Миха первый заговорил. Не так давно конвейер вдруг принялся брыкаться – вот тебе и нанотехнологии – тормозит, цепляется возле меня за что-то, на дыбы встает. Починить не могут – спецов такого уровня на заводе вообще нету, а с Машины когда еще выберутся. Так бригадиры как-то собрались, посмотрели, репы почесали (Миха потом сказал – «консилиум») и придумали: взяли ухватистый такой обресток трубы, чего-то там этим ломом подпихнули, и конвейер опять ровно пошел.

Когда через пару дней его еще раз перекосило, бригадир мне и говорит: ты, мол, ближе всех тут работаешь, вот тебе лом, поправляй. Я и так и сяк, не пойму, куда там и чего, я ж, между прочим, винты кручу, не мой это профиль. Вот тогда-то Миха и влез:

– Дайте, – говорит, – я попробую.

– А сможешь? – бригадир его спрашивает.

– Попробую.

* * *

Майк Гелприн

Свеча горела

Звонок раздался, когда Андрей Петрович потерял уже всякую надежду.

– Здравствуйте, я по объявлению. Вы даете уроки литературы?

Андрей Петрович взгляделся в экран видеофона. Мужчина под тридцать. Строго одет – костюм, галстук. Улыбается, но глаза серьезные. У Андрея Петровича екнуло под сердцем, объявление он вывешивал в сеть лишь по привычке. За десять лет было шесть звонков. Трое ошиблись номером, еще двое оказались работающими по старинке страховыми агентами, а один попутал литературу с лигатурой.

– Да-даю уроки, – запинаясь от волнения, сказал Андрей Петрович. – И-на дому. Вас интересует литература?

– Интересует, – кивнул собеседник. – Меня зовут Максим. Позвольте узнать, каковы условия.

«Задаром!» – едва не вырвалось у Андрея Петровича.

– Оплата почасовая, – заставил себя выговорить он. – По договоренности. Когда бы вы хотели начать?

– Я, собственно... – собеседник замялся.

– Первое занятие бесплатно, – поспешно добавил Андрей Петрович. – Если вам не понравится, то...

– Давайте завтра, – решительно сказал Максим. – В десять утра вас устроит? К девяти я отвожу детей в школу, а потом свободен до двух.

– Устроит, – обрадовался Андрей Петрович. – Записывайте адрес.

– Говорите, я запомню.

В эту ночь Андрей Петрович не спал, ходил по крошечной комнате, почти келье, не зная, куда девать трясущиеся от переживаний руки. Вот уже двенадцать лет он жил на нищенское пособие. С того самого дня, как его уволили.

– Вы слишком узкий специалист, – сказал тогда, пряча глаза, директор лицея для детей с гуманитарными наклонностями. – Мы ценим вас как опытного преподавателя, но вот ваш предмет – увы. Скажите, вы не хотите переучиться? Стоимость обучения лицей мог бы частично оплатить. Виртуальная этика, основы виртуального права, история робототехники – вы вполне бы могли преподавать это. Даже кинематограф все еще достаточно популярен. Ему, конечно, недолго осталось, но на ваш век... Как вы полагаете?

Андрей Петрович отказался, о чем немало потом сожалел. Новую работу найти не удалось, литература осталась в считанных учебных заведениях, последние библиотеки закрывались, филологи один за другим переквалифицировались кто во что горазд.

Пару лет он обивал пороги гимназий, лицеев и спецшкол. Потом прекратил. Промаялся полгода на курсах переквалификации. Когда ушла жена, бросил и их.

Сбережения быстро закончились, и Андрею Петровичу пришлось затянуть ремень. Потом продать автомобиль, старый, но надежный. Антикварный сервиз, оставшийся от мамы, за ним вещи. А затем... Андрея Петровича мutilо каждый раз, когда он вспоминал об этом, – затем настала очередь книг. Древних, толстых, бумажных, тоже от мамы. За раритеты коллекционеры давали хорошие деньги, так что граф Толстой кормил целый месяц. Достоевский – две недели. Бунин – полторы.

В результате у Андрея Петровича осталось полсотни книг – самых любимых, перечитанных по десятку раз, тех, с которыми расстаться не мог. Ремарк, Хемингуэй, Маркес, Булгаков, Бродский, Пастернак... Книги стояли на этажерке, занимая четыре полки, Андрей Петрович ежедневно стирал с корешков пыль.

«Если этот парень, Максим, – беспорядочно думал Андрей Петрович, нервно расхаживая от стены к стене, – если он... Тог-

Полина Кормщицова

Пациент

Пациент сидит в кресле напротив и пьет кофе. Возьмет чашечку в руки, покрутит, отхлебнет, поморщится, снова покрутит, поставит на столик. Морщится – потому что не любит кофе без сахара, но отказаться от поставленного перед ним напитка счел невежливым, а попросить сахар – постеснялся.

Некоторое время молчим. Не жду, что он заговорит – они обычно не начинают первыми. Так что я молча изучаю его. Ага, отставил наконец кофе. Руки скрещены в области гениталий, плечи сутулены, а взгляд прямой. Пытается посмотреть мне в глаза, хотя это стоит ему некоторых усилий.

Улыбаюсь. И начинаю:

– Итак. Вы пришли ко мне за советом, я правильно понимаю?

Кивает.

– Я – Патриция Альба, психокорректор. Расскажите мне немного о себе. Как ваше имя? Чем вы занимаетесь?

Все это я, разумеется, прекрасно знаю – в анкете написано. Но он должен сказать сам.

– Меня зовут Николай Бронин. По профессии я – специалист по оптоволокну, руководитель строительного отдела.

Говорит бодро. То и дело поднимает глаза к потолку, но потом опять смотрит прямо на меня.

– Это интересная профессия. Она вам нравится?

Пожимает плечами.

– Не особенно. У меня профильное образование такое.

– А почему вы его выбрали?

– Да я как-то особенно не выбирал. Просто надо было где-то получить высшее, а на эту специальность оказалось легче поступить. Да и деньги вроде неплохие.

– Но тем не менее вы хотите что-то изменить?

– Хочу.

Смотрит в пол. Ему стыдно признаваться. Каждый второй пациент – такой же, и я никак не могу этого принять, несмотря на свой опыт.

– И что же вы хотите изменить?

– Я хочу быть успешным.

– А сейчас вы не считаете себя успешным?

– Нет. Я – руководитель отдела. Парни хорошо работают под моим началом. Но если бы на этой должности оказался кто-то еще, они бы работали не хуже, и я это понимаю. Может, даже лучше. Не будет меня – будет другой.

Киваю. В этом отношении его позиция ясна.

– Вы женаты?

– Нет.

Сожаление в его голосе.

– Почему же?

– Никак не могу встретить. Да и, сказать по правде, – не нравлюсь я девушкам.

Критически оглядываю его. Он миловидный, с хорошей фигурой. Но действительно – да, не «цепляет».

– Я поняла вас, Николай. И все же уточню: чего именно вы хотите?

– Ну, я хочу наконец заняться тем, что мне действительно нравится. Может быть, открыть свой бизнес. Встретить интересную девушку.

– И что же, по-вашему, вам мешает? Почему вы не можете делать то, чего хотите?

– Не знаю. Как-то не выходит.

– А вы пробовали?

– Что пробовал?

– Заняться бизнесом, например?

– Ну... нет.

– Почему?

Качает головой:

– Ну и вопросы вы задаете, доктор.

– Патриция, – поправляю я.

– Патриция... Я не знаю. Что-то мне мешает. Вроде и идея есть, и не могу. То одно надо сделать, то другое. А к выходным

Юрий Погуляй

Губители сфер

Игнат хмур, угрюм и похож на осеннее небо. Тяжелые тучи набухли у него под глазами, и уголки рта печально тянутся к земле. Лицо моего водителя совсем не располагает к душевной беседе.

Я тоже молчу. Смотрю на собирающиеся над вечерним городом тяжелые облака и на ритмичную работу автомобильных дворников. Квартал все ближе. Отсюда уже виден частокол его многоэтажек.

Игнат закуривает, жует сигарету обветренными губами, пускает струйку вонючего дыма, и я открываю окно.

Вместе со свежим воздухом внутрь врывается шум мокрых колес. Игнат включает радио.

«Новые приключения Инны Светозарной! Теперь и на мобильных сферах! Почувствуй себя героиней нового бестселлера...» – бодро оглушает меня реклама.

Скрип... Скрип... Скрип...

Я отстраненно слежу за «дворниками» и мысленно собираюсь.

У нужного дома Игнат достает свою сферу, не глядя на меня, расправляет провода, аккуратно раскладывает все эти проклятые датчики и чертовы разъемы, а затем методично, как ведущий чайной церемонии, создает единую конструкцию. Его работа закончена, он может подумать о досуге. Сейчас моя партия.

Когда я исчезаю в недрах фургона, он захлопывает за мною дверь, запирает ее и, покашливая, идет в кабину. Я знаю, что он сделает, после того как сядет на теплое сиденье.

Щелчок блокировки дверей. Два датчика на липучках к тьмалку. Один на лоб, три шттекера в сферу. Один в прикуриватель. Кнопка «Пуск». Выбор режима. Отключение. Прощай, вселенная.

У меня все сложнее. Я забираюсь в прогретый саркофаг, который подключен к источнику питания более мощному, чем у мобильного варианта сферы. Соответственно должности, как говорится.

В табеле я прохожу как «эксперт по безопасности», ну а дальше подставьте как вам удобнее. Можно обывательское «сфер», можно бюрократическое «индивидуальных объектно-ориентированных конструкций». На зарплате это не отражается.

Кстати, я заходил в мир Игната. Он вечно пропадает где-то на залитых солнцем островах. У него своя хижина из тростника на золотистом пляже. Там никогда не бывает штормов, цунами, ураганов и дикарей-каннибалов. Он счастливый обладатель конструкта номер шесть, от Samsung. Демонстрационная, но все равно хакнутая версия.

Океан, вечное лето и пестрые джунгли, лишённые мириад ползающих, скачущих и частенько смертельно опасных гадин.

Наверное, это хорошо.

Ввожу в консоль параметры, подключаю усилитель. Разъем трещит, плюется искрами, и я в сто первый раз обещаю себе проверить его на досуге.

Ложусь в саркофаг. Перевожу консоль поближе к груди. В темноте слышно, как мягко шуршат кнопки пульта, как гудит внизу генератор. Перед «Вводом» на миг замираю и рефлекторно слатываю.

Ну, понеслась.

От перехода у меня опять закружилась голова, словно я оказался во взлетающем самолете. А спустя пару секунд мое сознание прорвалось сквозь крышу фургона и повисло над машиной. Многоэтажки превратились в выгянутые к небу пчелиные соты,

Ина Голдин

Дело об ураденной буже

Когда старкора Дантеса послали расследовать пропажу буквы «К» из вывески магазина на Советской, он сперва не подумал плохого. Такие пропажи в Корректорском отделе считались рутиной. Доехать до объекта. Записать показания, держа в уме, что дел наверняка наделал кто-то из работников. Обычно все заканчивалось штрафом – в зависимости от того, как серьезно умудрились исказить написанное.

Дело было утром. На Советскую Дантес поехал один. Напарник, Гарик Шульц, снова отпросился в ФМС.

– Сколько можно? – спросил Дантес.

Шульц только пожал плечами.

В троллейбусе было пусто, холодно и сонно. Кондукторша подошла, переваливаясь; от грузного тела, втиснутого в тугий пуховик, веяло безнадежностью:

– А ну, молодой человек, оплотим за проезд...

Молодой человек, стараясь не слишком злорадствовать, потянулся за удостоверением:

– Комитет охраны речи. Сейчас посмотрим, кто кому что «оплотит»...

Иногда он любил свою работу.

Тетка, ругаясь под нос, сунула в карман пуховика штрафную квитанцию. «Интересно, – подумал Валентин, – сколько их там набралось».

Дантес глядел на вывеску. Да, сразу видно, что дело здесь не в случайно оторвавшейся букве; она явно была *стерта*.

– *Кот, начальник, баррикада*, – корректор на всякий случай проверил все позиции. Зоны нет, уже хорошо...

Он вздохнул и толкнул тяжелую дверь.

Магазин назывался теперь «Узница фантазий». Продавались в нем ткани, мулине для вышивки и другие безобидные женские штучки. Впрочем, когда старкор прибыл на место происшествия, товары уже казались не такими безобидными. Ткани понемногу темнели, чернели и превращались в латекс; стены багровели; мулине сплеталось в странные, смутно пугающие косицы.

Работа здесь стояла, небольшой женский штат собрался у кассы и что-то возбужденно обсуждал.

– Валентин Дантес, Охрана речи. Могу я поговорить с вашим директором?

– ...Да не мы это, – чуть не плача, оправдывалась директриса, крашеная блондинка лет сорока. – Мы недавно новую вывеску повесили, правильно все было! Ой, подождите, мы ж фотографировались... – Она засуетилась, нашла фотографию, сделанную несколько дней назад во время вечеринки, потнала девушек за «кофе для товарища корректора – и печенье, Зина, печенье не забудь!». Директриса явно больше всего на свете страшилась чепе и, на взгляд Дантеса, к стирательству отношения не имела – так же, как ее молодые и бестолковые товарки.

– Да что это вообще за название? – устало покачал головой Дантес.

– Зато исконно русское! А то вон на Фронтовиков магазин обозвали «От кутюр». От каких кутюр, я вас спрашиваю? Ой, – спохватилась она, – только я вам ничего не говорила.

– Это все равно не в нашей компетенции, – успокоил Дантес. – Этим занимается Отдел по борьбе с заимствованиями. А теперь хорошо подумайте: вы не замечали в последнее время ничего странного?

В этот момент у Дантеса и возникло плохое предчувствие. Действительно, у служащих магазина не было никакого резона

Дмитрий Ферштейн

Позиция гражданина Климова по смертной казни

С утренней почтой Климову пришли три письма по работе (одно связанное с госконтрактом, остальные два – мелочовка), ворох уведомлений с форумов и новостные рассылки.

Главным известием, конечно, была казнь Уфимцева, назначенная на двенадцать часов дня. Страницы новостных порталов украсились последней фотографией убийцы, которого тюремный парикмахер уже лишил знаменитой рыжей шевелюры. Приводили список жертв (тридцать одно имя) с подробностями каждого преступления. Крупнейшие сайты вели хронику приговоров к казни. Сейчас верхняя строчка гласила: «9.49. Приговоренный Уфимцев в последний раз завтракает».

Лидер Прогрессивной партии Абросимов опубликовал обращение из пяти пунктов. Оно осуждало и смертную казнь как таковую, и назначенный способ ее осуществления, и решение о трансляции казни в прямом эфире по телевидению, и приказ наградить следователя, который вел дело, чашей, изготовленной из черепа маньяка. Текст был вполне ожидаемый, не обошлось и без любимого абросимовского выражения «печенежская дикость».

Длившиеся уже месяц дискуссии о высшей мере, хоть, казалось, все уже было сказано и пересказано, вспыхнули с новой силой.

Климов любил выражать свое мнение и не упускал случая это сделать. Вот и сейчас он стал выстукивать: «Еще один довод против смертной казни – губительное влияние на психику исполнителей...» – И тут ему захотелось курить. Он потянулся к пачке и вспомнил, что сигареты кончились вчера. Оставив комментарий недописанным, Климов вышел к ларьку.

Возвращаясь, во дворе он встретил соседа снизу, Тыркина. Тыркин был коренастый мужичок лет сорока с морщинистым лицом и недобрый взглядом. Он собирался куда-то ехать и отпирал машину. Пришлось поздороваться.

«Вот уж кто точно за смертную казнь, – подумал Климов. – У них, в органах, впрочем, все – ее сторонники».

Воскресное настроение от этой встречи поугасло. Климов недолюбливал Тыркина: вечно казалось, что у того руки не мыты, хоть Климов и понимал, что это игра воображения.

Докурив, Климов обнаружил, что спорить как-то расхотелось. Он стер комментарий, опять проверил почту, посмотрел хронику («Уфимцева повели записывать последнее слово») и пошел в мастерскую работать. Курьер с материалом для нового, серьезного, заказа придет только вечером, ближе к пяти, и покамест Климову заниматься было почти нечем – так, мелкими доделками.

Работа не требовала большой концентрации, так что время от времени Климов прокручивал в голове возможные реплики в разговорах о смертной казни. Центральным пунктом его позиции было: «Преступность снижается не от жестокости, а от неотвратимости наказания, следовательно, смертная казнь не нужна. Значит, из гуманных соображений применять ее не следует. Тем, кто считает пожизненное заключение слишком мягкой карой, надо ответить, что смысл наказания не в мести, а в изоляции и устрашении. Экономический аргумент несостоятелен, потому что к смертной казни приговаривается небольшое количество преступников, и их пожизненное содержание в тюрьме для казны нечувствительно. Узаконенное убийство и мучение людей развращает общество. Существование занятия палача, профессионального убийцы и истязателя, получающего за это деньги, неприемлемо...»

Он мельком глянул на часы – было 12.07. Экзекуция уже началась. Разумеется, смотреть Климов не пошел из принципа. Он с негодованием подумал, сколько зевак сейчас устроилось перед экранами. Люди, конечно, свиньи, но телевизионщики свиньи еще большие...

Ольга Дорофеева

Пятое царство природы

Нажав кнопку «Отбой», Ковач задержал взгляд на телефоне и вздохнул.

Если бы внутри телефона сидел маленький человечек, он, конечно же, сразу бы осознал свою вину и самостоятельно набрал правильный номер, по которому Ковачу предложили бы несколько кандидатур на выбор. Вот так, да – у нас как раз есть три соискателя на эту или подобную должность. Мужчины, МГУ, биофак, опыт работы. И никаких шампиньонов, упаси боже!

Но у японцев давно кончились смышленные человечки, и телефоны теперь выпускались бестолковые. Приходилось все делать самому.

– Кажется, у нас когда-то проходил технолог по компосту, – задумчиво сказала девушка из очередного агентства, выслушав его просьбу. – Но вообще у вас заявка очень сложная, да еще и на два месяца. Найти не успеем, как ваш специалист выздоровеет. Может, вам на биржу труда обратиться? Или аспирант какой захочет подработать?

«Или школьник...» – Сдержанно поблагодарив, Ковач задумался. Биржа труда? С одной стороны, как бы эти любители не заморили его драгоценных шиитаке. А с другой – без специалиста они и сами скоро того...

– Ну, не знаю. – Инспекторша оторвалась от экрана компьютера. – Такая редкая специальность, мне не попадалась ни разу. Но пару дней назад приходила женщина, вроде бы биолог.

– Вроде бы?

– Документы она потеряла... С Украины приехала, закончила Харьковский университет, не смогла восстановить диплом почему-то. Но записалась биологом, где... ага, вот: миколог, производство посевного... – запнулась, – ми-це-ли-я, технолог производства... Ну что, вызвать ее для интервью?

«Документы потеряла, потеряла кошелек – посадили на горшок. Если она вообще видела это производство, технолог, блин, из Харькова. Два месяца продержаться, два месяца...»

– Будьте добры, – ответил Ковач.

Женщина оказалась уже немолодой, рыжеволосой, рыхлой, как перезревшая квашня. Больше всего она походила на засидевшуюся в школе учительницу, сонно дефилирующую от одного класса к другому и привычно повторяющую одни и те же темы. Ковач остро подозревал, что так оно и было на самом деле, поэтому не без возмущения пододвинул соискательнице поддон с несколькими бурыми грибочками.

– *Lentinula edodes*, – она осторожно, даже ласково взяла двумя пальцами невзрачную шляпку, улыбнулась, как старой подружке. – А это – *Flammulina*, похоже? Ну да, раз у вас производство, то должна быть *Flammulina*. На опилках выращиваете?

Ковач пожевал губами, подумал, потом встал.

– Пойдемте, покажу.

«Два месяца она продержится».

Дальше все пошло своим чередом. Биологиня со старомодным именем Леония воцарилась в лаборатории и принялась холить и лелеять загустившие было грибочки. Технологический процесс она не просто знала на отлично – она его словно чувствовала кожей. Входя в цех, безошибочно определяла температуру; запуская пальцы в опилки, мурлыкала и регулировала время полива. Драгоценные шиитаке расцветали огромными розовыми кустами, поворачивая ей вслед влюбленные шляпки. Мицелий зрел, контрольные высадки наливались здоровьем. Ковач, хотя и предпочитал дам с маникюром, был доволен и даже подумывал,

Сергей Фомичёв

Йота

– Вот и славно, – сказал Грицко, принимая из рук капитана ордер. – Осточертело торчать на Земле. Погостили, пора и честь знать.

– Да ты же из корабля не выходил, – возразил Роман и устало свалился в кресло.

– Как же не выходил? – Грицко вставил пластик ордера в приемное устройство. – У пассажирского терминала целый день отирался.

– Зачем? – Капитан принялся разминать плечо.

– Скупал неиспользованные обеды с лайнеров. От этих буржуев много чего остается. Цены смешные, а вкус лучше стандартных флотских концентратов.

– Куркуль!

– Загружены в планшеты космические карты, – весело затянул Грицко, просматривая файл сопровождения. – Четыре контейнера с плюшевыми медвежатами на Десерт? Это что, розыгрыш? Какой дурак выдумал тащить игрушки через полгалактики?

– На таможне тоже озаботились этим вопросом, – усмехнулся Роман. – Перещупали груз, сделали химический анализ, просветили рентгеном.

– Контрабанда?

– Все чисто. Мало того, парень, что выступил посредником, утверждает, будто закупил товар на ближайшей оптовой базе. Мытари проверили, все так и есть. Как бы то ни было, это большая удача, что нам подвернулись медвежата. Я как раз искал попутный груз на периферию, и вот – пожалуйста.

– Попутный? А основной тогда какой же? – Грицко пролистал файл. – Пассажир? Черт! А я все свободные каюты жратвой забил.

– Придется освободить одну. И вообще пора бы тебе прекращать это хомячество. Нам лету – месяцу от силы, а ты всякий раз набиваешь припасов на год.

– Запас карман не тянет. А мне, знаешь ли, пришлось однажды торчать на убогой луне без еды. Отощал, страшно было к зеркалу подойти.

– Григорий, это было пятнадцать лет назад!

– Тем больше вероятность, что вскоре такое может случиться еще раз, – уперся пилот.

Роман махнул рукой. У всякого человека, достаточно долго болтающегося на межзвездных трассах, имелись свои слабости и пунктики. Маниакальное стремление набить до отказа кладовки относилось не к самой опасной группе всевозможных маний и фобий. Встречались случаи и посерьезней.

– Полет до Сакраменто и обратно, – продолжил чтение Грицко. – Оплачен компанией «Полюс». Йота. Псевдоним и только? Где имя, фамилия? Это что, секретный агент?

– «Полюс» занимается генетической оптимизацией.

– Что?! Генопт?! Я не желаю болтаться целый месяц на одном борту с модифицированным уродцем.

– Тебя никто и не спрашивает. За единственного пассажира мы получим больше, чем за весь остальной груз. За счет плюшевой медвежатины отобьем кредит, а основной контракт пойдет в прибыль, чем плохо?

– Чем плохо? Да я теперь заснуть не смогу. Видал как-то парочку таких. Хлопцы из эскорта шепнули, будто перевозили их для работы с токсичными отходами. Волос нет, кожа рыхлая, зубы торчат, как у вурдалаков. Страх! Как подумаю, что вот такой монстр будет за перегородкой храпеть или по кораблю шастать, мурашками покрываюсь. Тебе нужен второй пилот с воспаленным от паранойи мозгом?

– Брось, твои приятели тебя, скорее всего, разыграли. Генопты – такие же люди, как мы. – Капитан подошел к иллюминатору. – Можешь сам убедиться.

Александр Бачило

Волшебник

Витя Свешников принадлежал к той категории людей, которые с детства слывут рохлями и чей богатый внутренний мир долго остается никем не оцененным и никому не нужным. Любимое развлечение этих достойных последователей знаменитого Иа-Иа – бесцельно бродить по улицам, горько усмехаясь своим мыслям и бросая по сторонам тоскливые взгляды.

Именно этим и занимался Свешников в тот новогодний вечер, прогуливаясь вдоль шеренги общежитий университета, охваченных веселой праздничной лихорадкой. Мимо него сновали тяжело нагруженные снедью молодые люди и улыбающиеся девушки, из-под шубок которых выглядывали воланы карнавалных нарядов. Снег торжественно поскрипывал под их каблучками. Молодой, покрытый изморозью месяц с интересом глядел на рощую у дороги стройную елочку, которую кто-то украсил игрушками и серебряным дождем. Все веселились, все нескончаемым потоком шли друг к другу в гости, и только Свешников не был никуда пригласен.

Его внимание привлек стеклянный зал на первом этаже одного из общежитий, где заканчивались последние приготовления к балу. Вспыхивали и гасли разноцветные прожектора, веселые огоньки гонялись друг за другом по ветвям елки. Сцена была заполнена инструментами и микрофонами, в глубине ее поблескивала ударная установка, напоминающая никелированный кофейный сервиз на двенадцать персон. Лохматый барабанщик задумчиво выстукивал какой-то сложный ритм, других музыкантов еще не было.

«Конечно, – подумал Витя, – сейчас они замечательно повесят. Своей компанией. А такие, как я, им не нужны. Таких, как я, велено не пускать».

И он с тоской посмотрел на гранитные фигуры оперотрядовцев за стеклянными дверями общежития. Зал между тем постепенно наполнялся народом. Витя обратил внимание на красивую девушку, появившуюся из-за кулис. Она спросила что-то у лохматого ударника. Тот, не переставая постукивать, отрицательно тряхнул кудрями. Тогда девушка спустилась со сцены и направилась к выходу из зала. Свешников проводил ее печальным взглядом. «Вот ведь что делается!» – вскричал он мысленно и, засунув руки в карманы, принялся расхаживать туда-сюда вдоль стены общежития. Он теперь упивался страданием, размышляя о том, что эта прекрасная девушка, мелькнувшая «среди шумного бала», никогда не узнает о его, Свешникова, бренном существовании. Полный сарказма монолог, произносимый Витей в свой адрес, был неожиданно прерван: дверь, ведущая в холл общежития, открылась, и на крыльцо вышла та самая девушка, которая поразила его воображение. Придерживая накиннутую на плечи шубку, она озабоченно озиралась по сторонам, как будто ждала с нетерпением чьего-то прихода. Впоследствии Свешников никак не мог объяснить себе, что толкнуло его в тот момент к крыльцу. Он никогда не решился бы на такое, находясь в здравом уме и твердой памяти, но факт остается фактом – Витя подошел к девушке и сказал:

– Вы, наверно, меня ждете? – Тогда только ужас положения дошел до него, и, чудом поборов в себе непреодолимое желание убежать, Витя со страхом ждал реакции девушки на эту избитую, пошлую, просто-таки неприличную фразу. Но она не обиделась и даже не удивилась.

– А-а, вот и вы! – сказала она Свешникову. – Идемте скорее!

Не успев еще толком осознать, что его с кем-то явно перепутали, Витя оказался в холле. Гранитные оперотрядовцы почтительно поздоровались с ним. В этот момент из зала появился бородатый субъект во фраке:

– Марина, ну что, приехал? – закричал он.

Девушка с улыбкой указала на Свешникова.

– Ага, замечательно! – воскликнул бородатый, подлетая к Вите и трясая его руку. – Семен, если не ошибаюсь? А я – Лёня. У

Юлия Гавриленко

Зугу

Трудно описать словами удивление, которое я испытала, узнав о предстоящем полете на Зугу. Конечно, я давно мечтала о подобном задании, но, мягко говоря, ни по опыту своему, ни по статусу пока недоотягивала.

Я – специалист по этикету, знаю многочисленные тонкости общения с тремя десятками основных космических рас, но блеснуть своими познаниями пока случая не представлялось. Мне и Землю-то приходилось покидать только во время стажировок да туристических поездок. Когда повезло устроиться на постоянную должность при Единой контактной организации Земли, я начала надеяться, что карьера моя стремительно понесется ввысь. Практически вся информация о порядке ведения разговоров с любыми представителями разумных рас, не обязательно гуманоидных, аккуратными стопками уложила в моей голове. Пять самых прекрасных и нежных лет моей жизни были потрачены на знакомство со сведениями, собранными за время космических полетов и галактических открытий.

Конечно, замечательную память не просто так подарила мне природа. Как только в детстве очередной диспансеризацией у меня выявили некоторые способности к упорядоченному запоминанию больших объемов информации, на семейном совете было решено копить на операцию. К моменту совершеннолетия проведенная в Медицинском центре индивидуального развития, эта операция на мозге позволила навсегда закрепить врожденные способности. У меня появился бесценный сертификат, ласково именуемый в народе «мцирик», – и дорога к индивидуальному обучению за счет государства оказалась открыта. Многочисленные комиссии, собеседования и консультации, вопрос: «В ка-

кой обстановке вы бы хотели принести пользу нашей планете?», «Любите ли вы изучать внутреннее строение инопланетян опытным путем?», «Какой вид транспорта предпочитаете?» – все это осталось позади, и хмурый дядька с тонкими длинными усами вручил мне предписание на изучение обычаев инопланетных существ. Первые два года я занималась основами профессии, а потом вместе с десятком таких же избранных счастливиц старательно запаковывала данные в свою память. Мои товарищи глотали с экранов и закусывали толстыми старыми бумажными учебниками сведения из областей медицины, животноводства, юриспруденции и техники внеземных жителей, а я азартно запоминала описания ритуальных танцев стаерхов и последовательности боевых поклонов пабикар. Мы чувствовали себя нужными нашей планете и гордились способностями, полученными частично от мамы с папой, частично от ловкой бригады элитных технохирургов.

Поэтому при поступлении на службу я имела все основания надеяться, что меня станут использовать по назначению и пачку галет я всегда себе обеспечу.

Теперь красный «мцирик», вставленный в рамку, украшал стену над рабочим столом. В мои обязанности входило составление инструкций для отбывающих на другие планеты специалистов: инженеров, медиков, архитекторов. Те, кому по долгу службы полагалось знать правила поведения, – представители дипломатических миссий, к примеру, – обходились без моих ценных указаний. Инструкции были предназначены для других профессий и годились лишь для соблюдения элементарных мер безопасности, ни о каком серьезном общении с другими расами не могло быть и речи. Вдаваться в тонкости я не имела права. Какие-то сведения числились годными только для служебного пользования, да и запомнить в кратчайшие сроки лишней объем информации простому человеку было бы трудно. Хватало общих правил: никогда не улыбаться рядом со стаерхами и не показывать им уши, никогда не говорить с праками о политике, а с циндагами – о погоде. Что же касается пабикар – при них лучше вообще не разговаривать.

Полина Кузаева

И бегемоты умеют делать реверансы

– Я буду там, – сказал Джо и закурил трубку. Пятую за одно только утро.

– Джо, ты сдохнешь не иначе, как в следующем месяце, если будешь и впредь так дымить, – заявила Маргарет.

– Поспорим? – Скопив смеющийся кругляшок глаза, Джо выдохнул из себя настоящий парусник. – Смотри, какой ладный. Пригодится в хозяйстве.

– Может, и пригодится, Джо. Только ведь в нашем городе и реки нету. – Молочно-белые зубы Маргарет блеснули из-под красных обветренных губ.

Слишком уж они, зубы, выдаются вперед, в который раз про себя отметил Джо и задумался о другой жене. Мысли о Розе или, скажем, Адели частенько посещали его. Пусть даже будет Виолой, тоже неплохое ведь имя! Главное, чтобы говорила поменьше.

– Дорогая, раньше и парусника не было.

– Твоя правда, Джо. Только не выдувай реку. Она слишком большая!

Маргарет присела в шуточном реверансе, рискуя не вернуться в нормальное положение никогда. Так бегемот может сделать книксен, только после этого вряд ли останется бегемотом, по крайней мере целым.

Задумавшись, Джо выдохнул и бегемота. Совсем чуть-чуть не хватило дыхания, и бегемот остался без хвоста. Правда, Джо и не знал, есть ли у этих животных хвост. «Пускай бегемот был именно тот самый, который неизвестно кому кланялся», – решил Джо.

– Ой, Джо? Кто это? – воскликнула Маргарет. – Неужели бегемот? А почему он в моем передничке?..

Вопрос смутил Джо, даже испугал. Право, обижать свою старую Маргарет он вовсе не хотел. А тут такое сходство... и передничек этот. Отложив трубку, Джо с кряхтением встал – все-таки нужно меньше курить – и, подойдя к жене, обнял ее за плечи.

– Это наша новая горничная! Да-да, вот сейчас она отправится варить кофе. Я тут решил, что не дело тебе так много времени проводить за плитой.

– Джо... ты неповторим!

Маргарет с таким чувством обняла Джо, что тот зашелся в приступе кашля. Воздуха перестало хватать, и он бы вообще упал, если бы не могучие объятия любящей жены.

– Тебе плохо? Да?.. Ох, Джо, я же просила тебя меньше курить, – голосила Маргарет, ударяя мужа по спине. И если не выколотила из него дух, то только благодаря воле Всевышнего, в которого Джо раньше не верил. Но однажды, замечтавшись, на десятой или одиннадцатой трубке выдохнул Бога и даже разговорился с ним, так что они навсегда остались друзьями.

– Все-е хорошо. Ты оставь меня одного, Маргарет, – еле совладал с собой, произнес Джо. Слова давались с трудом, каждое ценило себя настолько, что требовало для произнесения изрядного времени. – Проверь, как там справляется с делом наша новая горничная. – Отдышавшись, он добрался до кресла и замер, стараясь не шуметь, чтобы кашель не услышал и не пришел за ним снова.

Маргарет ушла, кашель тоже не давал о себе знать, только щекогал своей поступью глотку. Видимо, он уходил куда-то внутрь, где и жил, каждую ночь вырывая для ночлега новую нору. «Сегодня больше не придет», – понял Джо и, расслабившись, потянулся было за трубкой, да так и заснул.

Разбудило его какое-то сопение. Не желая просыпаться – еще бы, ведь снилась Индия, – Джо осторожно приоткрыл левый глаз, решив, что если ничего серьезного не происходит, то он спокойно заснет дальше, но не тут-то было. Рядом с его креслом-качалкой стояла девочка в изношенном платьице – с котенком в руках. Вы смогли бы спать, зная, что где-то рядом с вами ребенок? Если да, то Джо бы вам позавидовал.

Наталья Анискова

Любовник

Если вы ко мне на прием, то в регистратуру вам не надо. Лезьте себе на второй этаж и шуруйте по коридору налево. Там сначала будет здоровенная очередь к терапевту, за ней поменьше к хирургу, а потом и совсем маленькая. Думаете, раз маленькая – то ко мне? Ошибаетесь, это к проктологу. У меня очередей не бывает. Не оттого, что коновал какой, а потому, что специальность у меня новая, и люди еще не привыкли.

В общем, дуйте себе мимо проктолога и сворачивайте направо, в закуток. Раньше там уборщицы швабры хранили. А сейчас швабры сократили, и вместо них в закутке мой кабинет. На двери табличка с надписью «СТОРГОЛОГ», но вы ее не читайте. Во-первых, потому что, кто такой сторголог, все равно не знаете. А во-вторых, потому что табличка гипсом заляпана. Это Любка ее гипсом, медсестра, чтобы людей не путать. А под табличкой она же надпись намалевала – масляной краской наискось во всю дверь – для доходчивости. Вот ее и читайте, тогда ни за что не ошибетесь, если вам ко мне. Русским по белому написано: «Доктор Любовник» – это я и есть.

Девушке навскидку лет двадцать. Красивая. И тряпки соответствуют.

– Присаживайтесь. На что жалуетесь?

– У меня проблема, доктор, – девушка вздыхает. – Я люблю сразу двоих...

За спиной саркастически хмыкает Любка. Полиаморию она не одобряет.

– Подробней, пожалуйста. Кто такие? Как давно любите? Почему обратились к врачу?

– Давно, доктор. Со школы – мы учились в одном классе, все трое. Вчера Петя сделал мне предложение, когда узнал, что я беременна. А Игорь – неделю назад, я согласилась. Теперь не могу отказать Пете.

– От кого вы беременны?

– Не знаю, доктор. Я думаю, что от Игоря. Но от Пети тоже может быть. Или даже от Альбертика...

Хмыканье за спиной превращается в возмущенное фырканье.

– Кто такой Альбертик? – обреченно спрашиваю я. – Тоже одноклассник?

– Нет, это парикмахер. Так что мне делать, доктор?

– Аборт, – отзывается из-за спины Любка.

– Прежде всего сторгограмму, – игнорирую я неквалифицированную помощь. – Вон туда проходите, к сестре.

Сторгограмму чертит хитрый прибор, называемый сторгоскопом. Это от греческого слова «сторгэ» – любовь. Как ни странно – к родственникам, и не обязательно противоположного пола. Впрочем, грекам было виднее. Так или иначе, прибор сканирует ауру пациента и в результате выдает затейливый рисунок, который для профана выглядит примерно как «Композиция X» Кандинского. Ну а для специалиста – как анамнез.

– Так-с... – говорю я пациентке, ознакомившись с творением сторгоскопа. – У меня для вас хорошие новости. Вы абсолютно здоровы, никакой любви у вас нет. Ни к Игорю, ни к Пете, ни к кому там еще...

– К Альбертику, – подсказывает Любка.

– Ни к Альбертику. Идите себе спокойно домой.

– А как же я?! – ахает пациентка. – Как же я тогда замуж?

– Это не в моей компетенции. Я занимаюсь только больными. Симулянтам и ипохондрикам, извините, рекомендаций не даем. Лекарств не выписываем, на процедуры не отправляем. Всего хорошего.

Владислав Заря

Предел ожидания

Перевал не был особенно высок, но его нередко затягивали облака, сползавшие с окружающих пиков: чаще с неприступного, почти черного обелиска справа, реже со сдвоенного купола слева. Однако сегодня и купол, и обелиск четко рисовались в безоблачно-синем небе – а облака, словно обезумев, ползли и ползли на перевал снизу, с Той Стороны, громоздясь в проеме хребта, словно гора подушек, быстро расслаиваясь по краям и истончаясь в языки тумана, самые дальние из которых уже лизали подножие стерегущей перевал крепости. С дозорной башни, кроме обычного часового, наблюдали эту картину четверо.

– Необычайно мощное испарение, – негромко рассуждал консультант, опершись о парапет и не отрывая взгляд от клубящейся белой массы. – Такое впечатление, что не меньше четверти нижней части ледника уже ушло в воздух. Страшно представить, какое потребовалось количество жара. Может быть, все-таки дракон?

Командант неприязненно скривился; шрамы на лице делали гримасу почти злоедей. Консультант его раздражал. Это был новый консультант, совсем зеленый, только что присланный из округа, и командант еще скучал по прежнему, убывшему в отставку на пенсию, с которым они притерлись за долгие годы... хотя, говоря по правде, из старика уже песок сыпался. Особенно раздражал оптический прибор на глазах молодого человека, пластина радужного стекла, пристроенная на носу и не позволявшая встретиться с ним взглядом.

– Дракона мы бы уже услышали. И, скорее всего, увидели. С какой стати дракону уничтожать ледник? Они выбирают цели поинтереснее.

– А этому с какой стати?.. – Вопрос повис в воздухе. Чуть погодя консультант продолжил: – Какие еще бывают огненные чудовища? Может быть, агонист?

– Агонист в одиночку не появляется, – устало напомнил командант и обернулся к стоящему в стороне потуземецу: – Эй ты, подойди!

Потуземец приблизился, сохраняя бесстрастный вид. Его лицо и грудь, зеленые с оливковыми разводами, тоже покрывали шрамы, только симметричные, нанесенные при прохождении ритуалов взросления. Бросив взгляд на эту голую грудь под распахнутой меховой накидкой, консультант поежился.

– Расскажи еще раз, на что похоже нынешнее порождение?

– Вылез из Прорвы вчера с восходом луны, – произнес зеленокожий неожиданно мягким, напевным голосом, совершенно не подходящим к свирепым чертам воина. – Длинный, низкий, величиной с большую скалу. Очень горячий. Всю ночь лежал, остывал. Утром пополз, стал грызть ледяной язык. Делал туман. Тихий. Очень большие зубы. Лапы широкие. Бегаёт быстро. Поворачивается не очень быстро.

– Все это мы уже слышали, – разочарованно протянул консультант. – Почти слово в слово.

– Они всегда так, – вставил грамотный молодой стражник, исполнявший при команданте обязанности секретаря, но, удостоившись косога взгляда патрона, тут же умолк.

– А нарисовать сможешь?.. – предложил вдруг консультант и, порывшись в карманах, протянул потуземцу грифель. Пауза продолжалась несколько секунд, потом тот косо пожал плечами, взял грифель и, опустившись на корточки, принялся неуклюже черкать прямо на досках настила. Минуту спустя потуземец отодвинулся, а остальные, наоборот, склонились над корявым рисунком.

Изображенная в примитивной, детской манере тварь, насколько можно было судить, напоминала формой тела тюленя, только на четырех коротких, когтистых лапах. На хвосте расходились веером иглы, а на месте морды оказалось намалевано непонятное – ряд косых линий, образующих нечто вроде круга или спирали.

Лариса Бортникова,
Анна Голоусикова

Продавец радуги

На длинной, выскобленной добела стойке маялась зевотой свеча. Огонек горел лениво, ровно. Пожилой мыш осторожно обогнул застывшую восковую каплю, подобрался к миске с отбитым краешком и, выхватив оттуда сухарик, поспешил в темноту. Задорно блеснули бисеринки черных зрачков, ленточка на хвосте взметнулась зеленым всполохом, и аппетитный хруст заставил старичка, прикорнувшего за прилавком, открыть глаза.

– Поужинал, Слоник? Пить хочешь? – Старик поднялся, нацедил в поилку лимонада и улыбнулся, когда зверек чихнул, сунувшись носом в липкую сладость. – Будь здоров! Пей – и домой. Пора закрываться.

– Шамайка, ты еще здесь? – Звякнул дверной колокольчик, и в лавку ввалился огромный бородач. Он тяжело взгромоздился на табурет, едва не свалив с прилавка стопку старинных свитков.

– Белеш? – Хозяин выглянул из подсобки, кивнул гостю. – Погоди чуток, только Большой Хрустальный уберу, и по домам. – Дед Шамайка вынырнул из темноты и, закрепив стремянку, привычно полез под самый потолок, где на отдельной, покрытой кружевной салфеткой подставке переливался хрустальными узорами флакон. Да нет, не флакон даже, а флаконище или, скорее, графин необыкновенной красоты и изящества.

Величиной с гигантскую тыкву, с серебряным дном и тонким, словно веточка, горлышком, с блестящей затычкой-шишечкой, исписанный тайной резьбой, запечатанный гербовой сургучной печатью, Большой Хрустальный считался главным украшением магазинчика и самой великой гордостью деда Шамайки.

Большой Хрустальный вполне мог бы храниться в королевской казне или, на худой конец, жить в буфете какой-нибудь гер-

цогини или маркизы – так он был великолепен. Грань за гранью любовно вырезанный мастерами-стекольщиками, Большой Хрустальный напоминал чудесный бриллиант. Но не этим определялась его ценность – истинное сокровище таилось внутри, скрывалось под изгибами хрусталя, пряталось за искусной росписью, под плотно притертой сверкающей пробкой.

– Не надоело каждый день такую тяжесть таскать да по лестнице прыгать? Спрятал бы подальше, и пусть себе пылится. Все одно не купит никто. – Белеш кашлянул, пламя свечи метнулось в сторону и погасло. Жирная темнота вползла через окна. Недовольно загудел в руках у деда Шамайки Большой Хрустальный.

– Зажги свет. И как ты еще полгорода не разнес? – пробурчал Шамайка, спускаясь на ощупь. – Купит – не купит... Разве в этом дело! Это же... Это же – мечта. Радуга-мечта. Ее еще мой прадед лить начал, а дед, тот уже на три четверти закончить успел. Отец корпел над ней всю жизнь. Помню, я еще совсем крохой был – заберусь в кресло у стены и смотрю, смотрю, как он, скрючившись, сидит – цвета подбирает. Когда помер отец, мне только оранжу добавить осталось. Долго я нужный колер искал, а когда нашел – сам себе не поверил. Три года из мастерской не вылезал, все до последней капельки вычищал, выправлял, чтоб как следует, а не спустя рукава. Три года. Невеста меня из-за этого не дождалась – за другого вышла. А я и не огорчился ничуть, потому что главное в своей жизни делал. Еще пять лет каждый цвет на положенное место крепил, друг за дружкой, рядком. А потом из колбы готовую радугу во флакон переливал еще с полгода. Когда запечатал горлышко сургучом, решил – поставлю на самое почетное место. Пусть знает народ, что мы настоящие мастера, а не просто Шамаи – продавцы радуги. Эх, Белеш, ведь радуге этой цены нет. И даже если войдет сюда сама королева, молвит: «Возьми, дед, полцарства и меня в жены, только продай Большой Хрустальный», я ей на подол, жемчугами шитый, плюну и выгоню в три шеи!

Дед Шамайка любовно протер граненый бок. Дохнул на шишечку, поскрипел по ней потертым бархатом манжета. Толкнул ногой дверь чуланчика, чуть головой о низкую притолоку не ударился. Уже оттуда глухо добавил:

Дмитрий Тихонов

Ночь в кругу семьи

Никодим уже начал всерьез подозревать, что пару минут назад выбрал не тот поворот, когда впереди наконец показались наполненные желтым теплом прямоугольники окон. Свет фар мазнул по зарослям крапивы, выхватил из мрака покосившийся забор, уперся в припаркованные у самого крыльца машины братьев. Никодим, как и следовало ожидать, приехал последним. Он заглушил двигатель и вышел из машины, поднялся по скрипучим ступенькам, опираясь рукой о стену. Застыл перед дверью, такой же древней и изношенной, как и весь дом, не в силах заставить себя постучать. Они наверняка слышали, как он подъезжал, знали, что он уже здесь, и не было никакого смысла торчать на крыльце, чувствуя длинные холодные пальцы ночи за воротником. Но решиться на этот последний шаг оказалось трудно – внутри, в уютных комнатах, кисло пахнущих старыми коврами, его не ждало ничего хорошего.

Позади раздался шорох. Никодим вздрогнул и обернулся, хотя прекрасно понимал, что для серьезных опасений время еще не пришло. Несколько мгновений глядывался в сплошную черноту за стволами яблонь, полукругом стоявших вокруг крыльца, потом вздохнул и, вновь повернувшись к двери, несколько раз ударил костяшками пальцев в посеревшую от времени доску.

Ему открыла сестра. За пять с половиной лет, прошедших со дня их последней встречи, она сильно постарела: на худом загорелом лице заметно прибавилось острых углов и неровных, раздражающих линий, в коротко остриженных волосах серебрилась проседь. Но широкая коричневая юбка и выцветшая кофта, казалось, были те же самые, что и пять лет назад.

– Приехал, – прошептала она, встретившись с ним взглядом. – Здравствуй, Никодим.

– Здравствуй, Вера. – Он заставил себя улыбнуться, хоть и чувствовал, что получается неискренне. – Как вы тут?

– Тебя ждем.

Сомневаться не приходилось. Слишком многое зависело от его приезда. Весь следующий день зависел от его приезда. А это должен быть очень важный день.

– Ну, вот он я, – сказал Никодим и обнял сестру за плечи, затем прошел мимо нее в глубь дома.

В сенях вдоль стены все так же громоздилось старье: давным-давно вышедший из строя телевизор, огромный радиоприемник, куча тряпья, лыжные палки, самовар, какие-то пыльные коробки и ящики. Кажется, со времен его детства ни один предмет не сдвинулся с места, даже пыли не прибавилось.

Миновав короткий коридор, он попал в жилую часть дома. Небольшая комната, что-то вроде гостиной или столовой: посередине стоял стол с электрическим самоваром, который не включали уже лет десять, у одной стены был диван, у другой – комод и зеркало. Над столом висело старое радио, над комодом – несколько больших черно-белых фотографий в рамках. Молодые, улыбающиеся лица, давно вышедшие из моды прически. За столом сидели братья, Федор и Еремей, между ними стояла початая бутылка водки, настолько дешевой, что от одного взгляда на этикетку у Никодима свело живот. Впрочем, это была наименьшая из его проблем. Пожав братьям руки, он опустился на свободный стул. Вместо скатерти на столе лежала клеенка, покрытая полустертými изображениями парусных кораблей. В детстве, сидя за этим столом, он придумывал каждому кораблю название и капитана, сочинял истории об их плаваниях, о бесчисленных приключениях в далеких морях – и двое заросших щетиной мужиков, что сейчас недоверчиво смотрели на него, в те времена слушали эти истории, раскрыв рты. В конце концов, он был старшим, и в его обязанности входило развлекать своих братьев. У старших всегда больше обязанностей.

– Ну, – сказал он наконец, – что случилось-то?

Александр Подольский

Колумбарий

День клонился к закату, а шара все не было. Крохотные облака пытались сбежать от линии горизонта, ветер копался в высокой траве у колодца. Со стороны моря ползла прохлада, распугивая последние солнечные лучи.

Старик подхватил ведро с водой и зашагал по каменистой тропинке к дому. Следом двинулся Иафет, волоча свою несущую тушку на коротких лапах. Пес старался не отставать от хозяина, успевая при этом ворчать на болтающихся в воздухе насекомых. Глядя, как неуклюжий бассет забирается по ступенькам, старик в очередной раз подивился его чудной породе. Иафет уткнулся носом в дверь и с важным видом завил хвостом. Пропустив собаку внутрь, старик обернулся к солнцу. Последние облака растворились в спускающихся сумерках, тени выползали из углов, а силуэт маяка приобрел какой-то злое вид. В небе не было ничего. Никакого воздушного шара. И старику все это очень не нравилось.

На печи вода вскипела быстро, и старик уселся за стол с кружкой травяного чая. Вокруг огарка свечки колыхались тени, за окнами выл ветер. Иафет развалился на своей лежанке у стены, и огромные уши прикрыли его глаза. Вскоре к треску горящих головешек прибавилось собачье сопение.

Старик размышлял. Если шар не прилетит и завтра, пригтовленные урны придется распахать обратно по ячейкам. Такого не случилось никогда, за многие-многие годы хозяин колумбария успел забыть собственное имя, потому что некому было его проносить, но шар всегда вышлывал из зарослей облаков, как только солнце добиралось до самой высокой точки неба. Что могло случиться там, наверху, страшно было даже предположить.

Факел чадил и сыпал искры в ночь. В облаке света шел старик, а темнота пожирала его следы. Стоящий на скальном выступе маяк был хорош – стройный белоснежный исполин с чешуей из гладких лестничных ступенек, которые переплетали его тело, словно виноградная лоза. Единственное, что умаляло его величие, это циклопических размеров здание колумбария, на фоне которого терялась даже такая громада.

– Я же говорил тебе остаться в комнате, – сказал старик, но Иафет уже просеменил мимо.

Старик понимал, что Иафету все сложнее преодолевать некоторые препятствия в силу возраста, но не мог себе позволить запереть собаку. Тысячу, а может, и все две тысячи лет назад, когда его борода еще не была такого пепельного цвета, а Иафет только осваивался на острове, старик нашел его в кустах шиповника. Крошечный щенок влез в самые заросли колючек и запутался в них ушами. Он жалобно скулил, пытаясь вырваться из плена, но цепкое растение не отпускало. Старик вызволил собаку, и та уткнулась холодным носом ему в плечо. Тогда-то старик и осознал, что это живое существо станет единственной радостью, которая будет скрашивать дни хранителя колумбария. Он понятия не имел, кому наверху пришла мысль прислать собаку, но теперь не представлял себе другой жизни. Пускай сначала находка этого комочка шерсти в обычно пустой корзине воздушного шара и не вызвала особой радости.

Тим Скоренко

Сцена для Джона Доу

Сначала Мэри не поверила, что клиента зовут Джоном Доу¹. Она посмотрела на него внимательно, но глаза Доу выражали безразличие и какую-то собачью покорность. Он не волновался, протягивая ей водительское удостоверение и карточку социального страхования, не оглядываясь по сторонам. Он отдал документы с таким видом, будто делает это ежедневно.

В его карточке сострахования значилось: Джон Доу, родился шестнадцатого января тысяча девятьсот шестьдесят девятого. Тридцать восемь лет. В водительских правах стояло то же имя. Но Мэри все равно не поверила. Джонов Доу не бывает в действительности. Она помнила, что так звали маньяка-убийцу в фильме «Семь» с ее любимчиком Брэдом Питтом в главной роли.

– Вас зовут Джон Доу? – переспросила она.

– Да. – Он кивнул.

Мэри стала заполнять бланки. Родился в Канаде, штат Онтарио. Ныне – гражданин США. Права получил в возрасте семнадцати лет. Все документы в порядке. Мэри вводила данные автоматически, не вдаваясь в подробности. В день через нее проходило несколько десятков клиентов, и всем нужна была одна и та же операция: открыть счет.

В этот момент картинка на мониторе – серая табличка с графами для заполнения – застыла.

– Черт! – тихо выругалась Мэри.

– Что такое? – Доу мягко улыбнулся.

– Боюсь, компьютер завис. Я недавно работаю, не знаю, сохраняется ли информация. Вызову старшего по смене.

¹ Джон Доу (*John Doe*) – термин, использующийся в ситуации, когда истец на суде неизвестен или анонимен, а также обозначение неопознанного тела в морге (в американской практике).

Доу кивнул.

– Вам придется немного подождать.

Доу снова кивнул.

– Конечно.

– Там есть кресла, – Мэри показала на уголок для отдыха, – можете почитать журнал. Это займет минут пять-десять.

Доу поднялся, маленький человек в серой куртке, чуть поклонился и пошел к указанному креслу.

Мэри нравились покладистые клиенты. Иногда попадались форменные идиоты, которые готовы были подать на банк в суд за то, что коврик у входа лежит криво и не соответствует их представлению о честности банка.

У стола появился Гилберт, немолодой, лысоватый, но в целом приятной наружности.

– Что случилось?

– Завис, – показала Мэри на монитор.

– Не волнуйся. Нажимай «ресет», данные по этому клиенту потеряются, вобьешь их снова.

Мэри даже стало обидно из-за своей глупости.

– Спасибо, – сказала она.

Гилберт ушел. Мэри нажала на «ресет». Тут-то все и началось.

У двери в банк раздались крики. Мэри посмотрела туда. Четыре человека в плащах и масках шли по направлению к ряду касс. Мэри работала операционисткой, и денег в ее кассе не было, но это не значило, что ей придется легче других. Еще два человека в плащах и масках баррикадировали дверь.

Под столом у Мэри замигала красная лампочка: кто-то из кассиров нажал тревожную кнопку. До приезда полиции оставались считанные минуты. О чем думали преступники, решаясь на такую авантюру, было непонятно.

– Всем собраться в центре зала! – заорал один из грабителей и поднял карабин.

Выстрел в воздух снес одну из небольших люстр. На кого-то посыпалось стекло.

– Быстро! В центр зала! – орали грабители.

Екатерина Лесина

Знак Его любви

Суку возьму. Определенно суку, вон ту, с медово-желтой в мелких завитках шерсткой и подслеповатыми, только-только начавшими открываться глазами. Я ее еще в прошлый раз заприметил, а вот теперь уверился – если кого и брать, то ее. Свернулась в углу корзины и жует лапу, сосредоточенно так, целеустремленно. Иголочки усов подрагивают, из беззубой пасти тянутся ниточки слюны, и щенуха сердито ворчит.

– Ух ты какая. – Харм поднял желтую за загривок, та выпустила лапу и заворчала громче, отчетливее. – Свирепая... уверен?

– Уверен.

– Так это, может, погоду пока? Ну, с недельку-другую, а то ж малая еще, подохнет.

– Не подохнет.

– Ну, сам гляди, на вот, – сунул в руки и отвернулся.

Теплое круглое тельце ворочается в ладонях, трется мокрым носом о пальцы, повизгивает, пахнет молоком и свежим сеном.

– Ты тока это, – не выдержал Харм уже в воротах. – Сразу-то не клейми, а?

Не могу: обычай есть обычай.

Свеча. Горячие капли белого воска стекают на салфетку. Наливаясь жаром, белеет и перстень-печать, щенуха лежит рядом, водит из стороны в сторону лобастой головенкой, приплюхивается. Секундная жалость, бесполезная и привычная – может, и вправду погодить следовало? – захват пальцами шеи, чтобы не крутилась, прикосновение железом, визг и вонь паленой шерсти.

Клеймо вышло ровным, аккуратным, и знак четко виден.

– Все уже, все, не визжи... заживет. Как же назвать-то тебя, а?

В этом году весна запаздывала; ждали и боялись, сами не зная, чего больше: того, что все ж задержится чересчур, или того, что нагрывает. Нагрывают.

Каждое утро Исхийя выходил во двор, щурился на солнце, прикладывая полированный глядельный камушек то к левому, то к правому глазу, тер знак на лбу, расчесывая его до красноты, вздыхал, дергал себя за куцую бороденку и мелом добавлял на щите черту. И торопливо, почти бегом, скрывался в доме: это чтобы людей не видеть и не слышать.

Запаздывала весна. Уже ден на пятнадцать как запаздывала. И сегодня небо было серо-войлочное, плотное, и солнышко-то не показывалось почти, зябко было. А Исхийя каждый день ходил и глядел на небо, Пастушьи ворота выискивая. Чего глядел? И так понятно – не дождутся они сегодня весны.

Может, завтра свезет?

– А в Мальчицах уже, – зашептала Барвиниха. – Седмицу как...

– Откуда знаешь? – Вячка передвинулся поближе, похлопал себя по бокам, попрыгал, согреваясь. Люди зашикали – всем холодно, не ему одному, а Исхийя сегодня что-то совсем уж завозился.

– Мне Алышка сказала. Намедни заходила, ихнюю ж девку за Курчана сватать хотели.

Вячка кивнул – ясное дело, хотели, деревня ведь большая, крепкая, за сорок дворов, а если с хуторами, то, считай, вдвое. В другой какой год за радость было бы пойти, но какая ж свадьба, когда весна запаздывает? А вдруг с Пастухом что случилось?

А Барвиниха прямо в ухо горячо зашептала:

– И взяли-то, взяли только Лутку-рыбака...

Одного? Редко так бывает, обычно двоих-троих, а тут... поневоле начинаешь думать, что скорей бы уже, и тяготно становится ждать.

Исхийя, спрятав стеклышко в мешочек, а мешочек в карман, заковылял к расписанному меловыми черточками щиту, но но-

Эльдар Сафин

Мышь белая

В ночь перед первым визитом Гавры Кузя насрал в четвертый блок сквозь вентиляционную решетку. Обнаружил я это, едва проснувшись, по запаху паленой проводки и весь день был, мягко говоря, не в духе.

Слесаря едва не катались в судороге от восторга – как же, Крутой Человек из Визора приехал на наш сервис! Даже Саньч вылез, вытирая руки промасленной тряпкой, в надежде на скупое мужское рукопожатие Гавры.

– Загоняйте машину, – сказал я тогда.

– Константин, у меня к вам деловое предложение, – ответил он.

– Загоняйте машину или проваливайте.

Он сразу ушел, а по пути легко и без пафоса пожал грязную лапу моего шефа, подмигнул гоп-компани и походя похвалил тюнинг Валеркиного «Волка».

– Зря, лядь, ты так с ним, Костян, это же, лядь, Гавра! Сергей Гавриленко, лядь, ведущий «Ралли без правил»! – Саньч никогда не учил меня жизни, но нынче рискнул. – Я тебе, лядь, редко указываю, ты меня, лядь, редко посылаешь к югу, вроде все путем, но сейчас, лядь, ты не прав.

– Саньч, ты его по визору видел, он тебе как родной. – Я посмотрел шефу в глаза. – А у меня ящика нет, он для меня обычный клиент, только хуже, потому что ничего на диагностику не предъявил.

Этот разговор в нескольких вариациях повторился еще раз пять – практически с каждым слесарем и механиком нашего небольшого коллектива. Гавра, как выяснилось, раньше был певцом, потом бизнесменом, продюсером, художником и еще чертом в

ступе – и везде успешно. Его любили женщины, обожали дети и уважали мужики. Я же был к нему равнодушен и не понимал, почему мне ставили это в вину.

Вечером оказалось, что Кузя сыграл роль доброго гения и зря я с утра у Валеры требовал давно обещанный резинострел. Филин насрал ровно туда, куда надо было, – «Двигун» в первый раз выдал четкий диагноз, и получившая молотком в грудину мышка выжила.

Расчувствовавшись, я подарил вылеченную красавицу Кузе. Филин заглотнул добычу, а потом половину ночи ухал, то ли восхищаясь щедростью хозяина, то ли возмущаясь его жадностью.

– Можете поставить электромотор на вентилятор, механика с охлаждением не справится.

– Я не хочу колхозить! – Парень в модной цветной стеганке почти плакал. – Это же двести сороковая, от отца досталась, а ему от деда!

– Тогда искусственно ограничьте объем двигателя до двух литров. Ездить будете медленнее, зато закипать перестанете.

Я не волшебник, но почти. Я – диагност. Если не лучший в мире, то в десятку по России вхожу точно. Ко мне приезжают со всего Северо-Запада, иногда заказывают видеомост с разных

Купить эту книгу в бумажном или электронном виде можно в интернет-магазине издательства по адресу

<http://shop.fantaversum.ru/>

Задать вопрос о приобретении можно по электронной почте

sales@fantaversum.ru